

Мимо что-то мультяшное промельтешило —
то ли жизнь, то ли сон...
Этого не было. Или, наверное, было
где-то у края времён,
у края бушующей бездны. Полёт, как паденье,
и вдруг — тишина...
Гаснет пламя свечи. Тают в сумраке тени.
Беда и вина.
Вина и расплата. Безмолвие ночи беззвёздной,
чернеющий путь.
Всё было напрасно, всё было непросто,
но уже не вздохнуть.
Позади — оправдания, интриги, уловки —
бытия пряный микс...
Переправа. Старик. За бортом чёрной лодки
вечный плещется Стикс.

ВСПОМИНАЯ БРЕЙГЕЛЯ

Хрусткий подталый снежок,
далее туманных забвеньё.
Медленно, наискосок
под ноги ложатся тени.

Свиток старинных снов,
как оголённый остов,
необитаемый остров
давно отзвучавших слов...

Лай оголтелый собак,
свистом сведённые губы...
Ближе — свинцовый шаг,
громче — Господни трубы...

Близится тяжкий срок —
вновь оживут сновиденья...
Медленно, наискосок
под ноги ложатся тени...

— Куда ж вы идёте, куда
снежной своей тропею?
— За Вифлеемской звездой.
— Угасла во тьме звезда,

метелью тропу замело,
снегами припорошило.
Вы помните, что это было?
— Что было — давно прошло...

Усвоен последний урок.
Сонные веки смежатся.
Медленно, наискосок
под ноги тени ложатся...

Ранней весны благодать,
желаний заветных малость...
Только бы не растерять
то, что от жизни осталось.

* * *

Вечер, будто измятый листок.
Аист в небе темнеющем кружит.
Дождь холодный — наискосок —
Изоткал помутневшие лужи...
Млечный путь в чёрных тучах увяз...

Утро — ясное. Яблочный Спас.

ПАМЯТЬ

Убогие краски летнего вечера сорок пятого года
впечатались в генную память: длинный серый забор,
за ним — бараки военнопленных;
у забора шестилетний вихрастый мальчишка —
полугодовалое дитя кровавого века;
тонкая ручонка просунута в щель,
на потной ладошке — сокровище:
липкий кусок рафинада.

«Дяденька фриц, ну, пожалуйста, поиграй!»

Губная гармоника лихо выводит:

«Всё пройдёт, мой милый Августин,

Августин, Августин...»

Грубоватая немецкая мелодия

ласкает детское ухо,

привыкшее к взрывам бомб и вою сирен, —

мальчишка зачарованно слушает,

безгрешный в своём неведении

о далёком грядущем, которому через много лет

суждено стать моим прошлым,

ибо этот мальчишка — мой отец.

ЭСКИЗ СЕЗОННЫХ СНОВ

1.

Пушистый шмель, летая над цветком лазоревым,
пребудет в извечной правоте,

и нега зноя, медовым маревом наполнит до краёв
полдневный мир, чьи сны от века в век

всё невесомей и причудливей,

как кружево листвы,

дарящей вожделенную прохладу, —

ничто не потревожит

сонной тишины: беззвучно

сочится сладостный нектар цветка,

и только шмель гудит и трудится над ним,

своё старанье воспевая.

2.

Осень, щедра и бескорыстна,
сбережёт, как Ной в ковчеге,
спелые плоды — залог грядущей жизни,
и дождями оплачет увядание и смерть,
которую хранит во чреве,
подобно кокону, хранящему в себе
зародыш мотылька,
но даже смерть окажется светла и невесома,
словно паутинка, летящая по ветру в никуда,
навстречу неизбежности, и станет
прозрачней — даль, и ближе — небеса,
и утренний туман приглушит цвета и звуки,
сместив с привычных мест
предметы, слова и лица,
и природа уснёт, чтобы от сна
весной очнуться.

3.

Слова, едва покинув лоно тёплых губ,
застынут на лету и упадут в ладони декабря,
и обратятся в прозрачные кристаллы льда,
и сна студёный морок,
как занавес, укроет мир от глаз,
и там, под ледяной бронёй, под толщей снега,
неслышно всколыхнётся живая плоть земли,
уснувшей в белой колыбели,
и, точно плод, созревшей,
чтобы явить пред изумлённым миром
божественное чудо Рождества.

4.

Апрель, пригожий Лель, дождём прозрачным смоем
с застывших душ — печаль, и с лиц — усталость,
и смысл простых вещей, размыт и стёрт,
припомнится с трудом, как письма
исчезнувших в веках цивилизаций,
как имена далёких звёзд, названья трав и птиц,

увиденных в раю, но позабытых,
и первой бабочки полёт неловкий
преобразит пространство, и сольются
в неслышном унисоне явь и сон,
суля росткам надежды продолженье.

ЗИМНИЙ ТРИПТИХ

1.

Старый друг, плесни-ка мне чего-нибудь,
если только ты не старый враг..
Жёлтый карлик, нагулявшись по небу,
катится в заснеженный овраг,

окровавив небо над берёзами,
что сиротски тают в темноте —
ночь близка, глухая и беззвёздная.
На снегу следы, да всё не те...

Дрожь души — не то, что дрожь телесная.
Отогреешь душу, время — вспять..
Странно, неужели водка — пресная?..
Эту вьюгу не перекричать,

этот снег не разгрести лопатой
до седьмой кладбищенской версты.
Друг, скажи, неужто виноваты мы,
что кругом — кресты, кресты, кресты?..

Затуманилось стекло оконное.
Милый друг, плесни-ка мне ещё.
Вот и утро, мутное и сонное —
нынче постреляем вороньё.

2.

Безмозглый выродок, неблагодарный Кай,
тупой, никчёмный и дрянной мальчишка,
как мог поддаться ты слезливой девке — Герде,
и променять несметные богатства,

бессмертие, блаженство и покой
на рабский жребий всех убогих смертных,
что, как магнит, к могиле их влечёт?!.
Всего-то нужно было слово ВЕЧНОСТЬ
из октаэдров ледяных сложить, —
и та, всесильная, что в мире краше всех,
тебя б навеки щедро одарила...

3.

*Отче мой Сергие, отче Серафиме,
звёзды высоко, да снег на пути.*

Борис Гребенщиков, «Русский альбом».

Вышли засветло, да только не успели
доплясать, докаяться, допеть.
Вдоль дороги — голубые ели,
впереди — блаженство или смерть...

Что с того, что танки наши быстры
и броня по-прежнему крепка?..
Стелется под ноги снег пушистый,
а звезда, как прежде, далека...

Тает в небе след её серебряный,
на снегу — кровавые следы...
Отче Серафиме, отче Сергие,
видно, не дойти нам до звезды.

* * *

... и звёзды октября посмотрят сверху —
глаза божеств, прозрачны и чисты.
И мир замрёт до будущей весны,
восполнив сновидением прореху

в пунктире бытия. Так поезда
уходят вдаль, надеясь возвратиться...
Но, с веткою простясь, к земле стремится
кленовый лист — упавшая звезда.